

В.Л.Хейфец

«Левый поворот» Компартии Мексики в конце 1920-х годов

В статье рассматриваются генезис и особенности «левого поворота», предпринятого компартией Мексики (Partido Comunista de México, РСМ) в 1928—1929 гг. Автор анализирует роль внутренних и внешних факторов в формировании ультралевой позиции мексиканской секции Коминтерна. Исследование построено на ранее недоступных либо малодоступных документах российских, мексиканских и американских архивов, позволяющих сформировать комплексное видение перемен в стратегии и тактике левого движения Мексики в конце 1920-х годов, пересмотрев ряд прежних, устаревших концепций.

Ключевые слова: Мексика, Коминтерн, революция, Коммунистическая партия, левый поворот.

Внутриполитическая ситуация 1928—1929 гг. в Мексике характеризовалась широкомасштабным кризисом. Выдвижение экс-президента Мексики (1920—1924) Альваро Обрегона на пост главы государства стало, по сути, нарушением революционного принципа отказа от переизбрания и вновь раскололо правящую элиту, часть которой бросила вызов экс-президенту на выборах, а часть попыталась вооруженным путем противостоять победе обрегонизма. В этой ситуации коммунисты вместе со своими союзниками-крестьянами и большинством антиимпериалистически настроенных интеллектуалов поддержали именно Обрегона, увидев в его триумфальной победе возможность решительного поступательного движения революции вперед. Этот кандидат действительно успешно взял верх над своими соперниками, но в июле 1928 г. был застрелен оппозиционером-католиком¹.

Смерть каудильо привела к еще более острой поляризации мексиканской политической элиты. Генералы-обрегонисты в большинстве своем считали, что у них «украли победу». Между тем лидеры реформистской Региональной рабочей конфедерации Мексики (Confederación Regional Obrera de México, CROM), вставшие в оппозицию идее переизбрания, оказались среди главных подозреваемых в организации убийства победившего кандидата и лишились ряда постов в правительстве. В этих условиях еще

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (jeifets@gmail.com).

Статья выполнена в рамках гранта РГНФ «Российская революция, Коминтерн и Латинская Америка» №16-01-00138.

больше усилилось влияние Плутарко Элиаса Кальеса, который, покинув президентский пост (1924—1928), фактически продолжал руководить страной в роли «верховного вождя» (1928—1935). Средством для объединения большинства политических течений стало создание осенью 1928 г. — весной 1929 г. Национальной революционной партии (Partido Nacional Revolucionario, PNR)². Произошло сужение политического спектра — легитимная политическая деятельность осуществлялась преимущественно внутри партии, распространившей свое влияние и на ряд общественных организаций. С этого момента происходила неуклонная консолидация государственной машины, и были заложены основы политической системы, господствовавшей в Мексике чуть ли не до конца XX столетия.

Именно Кальес стоял за назначением временным президентом (1928—1930) обрегониста Эмилио Портеса Хиль осенью 1928 г. Эта кандидатура, однако, не устроила ни обрегонистских военных, ни наиболее консервативных сторонников самого Кальеса. В итоге в марте 1929 г. вспыхнул мятеж во главе с генералом Гонсало Эскобаром, в ходе которого правительство потеряло контроль за штатами Веракрус, Сонора, Синалоа, Чиуауа, Коауила, частично за штатами Нуэво-Леон, Сакатекас и Дуранго; параллельно продолжалась «война кристерос» (конфликт между федеральными властями и повстанцами, боровшимися против конституционных ограничений роли католицизма в стране) и началась забастовка студентов с требованием университетской автономии.

Портес Хиль был далек от желания исполнять роль кальесовской марионетки. У него была собственная программа: разрыв союза государства с CROM и установление связей с широким спектром рабочих организаций; разработка нового закона о труде; признание федерального правительства единственным уполномоченным в деле арбитража в трудовых конфликтах; придание нового импульса аграрной реформе³. Такая позиция главы государства создавала условия для сотрудничества левых и постреволюционной элиты. Однако ситуация осложнялась откровенным намерением Кальеса минимизировать влияние революционного крыла левых, углублявшееся кризисом внутри руководства Коммунистической партии Мексики (Partido Comunista de México, PCM) и все возраставшим желанием штаб-квартиры Коминтерна серьезно скорректировать политику своей мексиканской секции в духе новых установок III Интернационала.

«ЛЕВЫЙ ПОВОРОТ» КОМИНТЕРНА

Шестой Всемирный конгресс Коминтерна (1928 г.) стал «звездным часом» для коммунистических партий Латинской Америки; обсуждение их проблем впервые за почти десятилетие существования всемирной компартии оказалось в центре внимания. Тон обсуждению задал заявлением о «втором открытии Америки» Соломон Абрамович Лозовский⁴. С целью разобраться в специфике революционного движения континента в Москве собралась самая представительная за все годы существования Коминтерна группа латиноамериканских коммунистов: не только 17 официальных делегатов из 9 латиноамериканских партий, но и латиноамериканцы — слушатели Международной Ленинской школы (МЛШ), и функционеры Коминтерна, связанные с работой в Латинской Америке. Мексиканская деле-

гация выехала в Москву без подробных инструкций по важнейшим вопросам⁵, и, не обладая подробной информацией из страны, представители РСМ действовали на Шестом всемирном конгрессе фактически на свой страх и риск.

Дискуссия как по общелатиноамериканской тематике, так и по мексиканскому вопросу оказалась достаточно долгой и напряженной и не ограничилась заседаниями конгресса. Неслучайно одной из центральных фигур этого обсуждения был Станислав Станиславович Пестковский («Бандерас»), выполнявший функции эмиссара Коминтерна в Мексике в период пребывания на посту полпреда СССР в данной стране в 1924—1926 гг., а по возвращении в Москву ставший одним из главных экспертов по латиноамериканским вопросам и представителем РСМ при Исполнительном комитете Коммунистического интернационала (ИККИ).

С.С.Пестковский первым выступил на конгрессе в прениях по обсуждению содоклада руководителя Латинского секретариата ИККИ Жюля Эмбер-Дро, подвергнув резкой критике предложенную швейцарским коммунистом идею «латиноамериканизма», противопоставлявшуюся панамериканизму: «В революционной борьбе против американского империализма чрезвычайно важно сохранить единство действия и постоянный контакт с коммунистическим движением в Соединенных Штатах. А эта идея латиноамериканизма как раз будет играть на руку тем буржуазным и мелкобуржуазным течениям в антиимпериалистическом движении, которые хотят раздавить североамериканский пролетариат и пролетариат латиноамериканский»⁶. Несогласие с главным идеологом латиноамериканской политики Коминтерна Пестковский выразил и по вопросу о характере мексиканской революции, подчеркнув, что нельзя говорить о «решительном отливе мексиканской революции»: «Вся мексиканская революция состояла до сих пор из отливов и приливов, и настоящий отлив <...> не является каким-нибудь решительным поворотом»⁷.

Высказывания Пестковского были неоднозначно восприняты делегатами. Его позицию поддержал член делегации Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) (ВКП (б) Сергей Иванович Гусев, заявивший, что лозунг латиноамериканизма «есть только новая разновидность теории Монро для Латинской Америки — Латинская Америка для латинян»⁸. На сторону «Бандераса» встал и мексиканский делегат «Контрерас» (итальянец Витторио Видали), охарактеризовавший латиноамериканизм «идеологией чисто мелкобуржуазного антиимпериалистического движения, которое борется против коммунистического движения и утверждает, что марксизм и ленинизм не имеют почвы в Латинской Америке», а Антиимпериалистическая лига является «агентом Москвы»⁹. В защиту Эмбер-Дро выступил один из основателей мексиканской компартии и руководитель североамериканской секции Всеамериканской антиимпериалистической лиги «Мануэль Гомес» (Чарльз Филлипс), заявивший: «Тов. Бандерас не встретит у латиноамериканской мелкой буржуазии жажды бороться за союз латиноамериканских стран: точно также среди революционных элементов Латинской Америки он не встретит противников союза с классово-сознательными пролетариями САСШ»¹⁰.

Для мексиканских левых, однако, более существенными оказывались установки о политической линии в данный момент. Одним из основных решений VI конгресса Коминтерна стало фактическое принятие тактики

«класс против класса», что не могло не предопределить резкого поворота в развитии левого движения Мексики, развивавшегося прежде в рамках относительно широкой коалиции политических сил. Формально тактика была провозглашена на IX пленуме ИККИ (февраль 1928 г.), однако именно дискуссии на трибуне и в кулуарах VI конгресса развили данный тезис и продемонстрировали компартиям начало официального поворота в политике Интернационала¹¹. Другой линией, навязанной Коминтерном коммунистическим партиям, стала борьба против «социал-фашизма» (социал-демократии, рассматриваемой как одной из опор капиталистического режима)¹². В условиях Мексики подобный подход, по сути, означал отказ от национальной специфики левого движения и нежелание принимать в расчет своеобразные условия его развития.

На конгрессе мексиканские делегаты демонстрировали определенное недовольство подходами III Интернационала: «Нас рассматривают как одну из самых маленьких секций и принимают резолюции по ее положению, не спрашивая нашего мнения. Конечно, эта позиция отчасти оправдана, мы должны признать, что наш ЦК давно не высказывал Коминтерну свою точку зрения; <...> по прибытии в Москву мы обнаружили более дюжины различных мнений по мексиканскому вопросу, но ни одно из них не являлось мнением ЦК нашей партии». РСМ приписала «почти враждебное отношение» к ней действиям работавшего в аппарате ИККИ аргентинца Викторико Кодовильи¹³. Мексиканцы соглашались с тезисом Коминтерна о революционной ситуации в Латинской Америке, но считали, что у них в стране фигура Обрегона могла потенциально изменить расклад сил в пользу левых (и в этом их поддержал американец Чарльз Филлипс)¹⁴. Представитель мексиканской секции в Коминтерне Мануэль Диас Рамирес от имени своей партии пытался защитить ее политическую линию. Но в конце концов делегация была вынуждена признать «существование в партии правой опасности и отсутствие [должного] интернационализма и необходимость для ЦК принять конкретные меры по их искоренению»¹⁵.

Между тем на VI конгрессе советскому лидеру Иосифу Виссарионовичу Сталину удалось реализовать вынашивавшуюся им со времени предшествовавшего коминтерновского форума идею о необходимости сосредоточить все удары на «соглашательской национальной буржуазии» и выдвинуть лозунг гегемонии пролетариата как основное условие освобождения от империализма. Такой подход нашел отражение в тезисах конгресса «Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах»¹⁶. Это оказывалось ни чем иным, как отказом от деятельности широкого антиимпериалистического фронта. Исключение из подготовленного Николаем Ивановичем Бухариным проекта Программы Коминтерна формулировок о разнообразии путей построения к социализма и необходимости творческого характера деятельности партий означало очередной шаг к унификации коммунистического движения и его приспособления к советскому шаблону. Сталинизация всемирной компартии осенью 1928 г., ее постепенная чистка от «правых» и «примиренцев», начатая заседанием Президиума ИККИ 19 декабря 1928 г., дали возможность руководству III Интернационала для идеологического и дисциплинарного осуждения любого активиста всемирной компартии, хоть в чем-то несогласного с линией штаба мировой революции.

Выдвижение коммунистами радикальных лозунгов без наличия революционной ситуации объективно было ни чем иным, как провоцированием начала гражданской войны в собственных странах, причем в условиях, невыгодных для левых. Подобная позиция помогала проправительственной прессе формировать в сознании общественности образы неконструктивной, воинственной и антигосударственной левой оппозиции, само существование которой ставило под угрозу основы порядка и национального суверенитета.

1-12 июня 1929 г. в Буэнос-Айресе состоялась I конференция коммунистических партий Западного полушария (где присутствовали делегаты 14 партий), в которой приняли участие высокопоставленные представители руководства Коминтерна и которая должна была подвести итоги процесса так называемой большевизации компартий в Латинской Америке. Мексику представляли в Аргентине Давид Альфаро Сикейрос («Суарес») и Мануэль Родригес Серрильо («Росаэнс») ¹⁷. В теоретическом плане достижения конференции оказались весьма спорными. Вся Латинская Америка без изъятий была отождествлена с колониальным миром, а перед компартиями поставили задачу добиться перерастания буржуазно-демократических революций в социалистические. Новый руководитель Южноамериканского Секретариата Коминтерна (ЮОАС) Викторио Кодовилья, секретарь ЮОАС Коммунистического Интернационала молодежи аргентинец Орестес Гиольди («Э.Гитор») и представитель ИККИ швейцарец Жюль Эмбер-Дро («Луис») настойчиво внушали латиноамериканским партиям озабоченность «правой опасностью» ¹⁸, что превращало политику Рабоче-крестьянского блока (Bloque Obrero y Campesino, ВОС) в откровенно сектантскую и вынуждало коммунистов в каждой конкретной стране выявлять своих «правых» и «фашистов».

Подобный подход не мог не поставить мексиканских коммунистов в тяжелые условия, поскольку в этот момент партия переживала острый внутренний конфликт и одновременно подвергалась жестким правительственным репрессиям. При этом мексиканские делегаты в Буэнос-Айресе действовали фактически на свой страх и риск. Сикейрос на заседании 5 июня откровенно заявил о том, что его выступления преимущественно основаны на «его личной позиции, а не на мнении партии». Речь шла, прежде всего, о поддержке «терроризма», отвергнутой рядом делегатов, и которую делегат РСМ оправдывал, полагая, что «принимая во внимания отдельные случаи, возможно, что эта тактика принесет нам пользу». Сикейрос настойчиво лоббировал мысль о необходимости для РСМ начать революцию как можно скорее: «В этот момент лозунг партии не может быть иным, нежели чем лозунг революции. Если в течение пяти или шести месяцев мы не выработаем верную политическую линию, то нас уничтожат посредством такого же террора, который развернули против движения кристерос. <...> У нас есть оружие, и все готово для начала борьбы» ¹⁹.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОФСОЮЗНОЙ ТАКТИКЕ РСМ

Декларации Сикейроса в Буэнос-Айресе по поводу необходимости немедленной революции серьезно противоречили прежней практике реальной работы РСМ по расширению альянсов, в том числе с антиимпериалистически настроенными интеллектуалами и крестьянскими лигами. Само по себе создание ВОС было начато в Мексике задолго до континентальной

конференции компартий полушария. Явно выраженное стремление кальвистских кругов затормозить аграрный передел убедили РСМ и Национальную крестьянскую лигу (Liga Nacional Campesina, LNC) в необходимости отстаивать свои взгляды вопреки позициям официальных властей. Нестабильная ситуация, существовавшая в стране, рассматривалась как фактор, который объективно мог сыграть на руку революционным кругам.

ВОС (руководимый коммунистами Урсоло Гальваном и Диего Риверой)²⁰ рассматривался Москвой и РСМ как независимая электоральная коалиция с собственными кандидатами, включая кандидата в президенты — генерала-социалиста Педро Родригеса Трианы. В блоке также участвовали Унитарная железнодорожная партия (Partido Ferrocarrilero Unitario), Партия рабоче-крестьянского единства Веракруса (Partido Unidad Obrera y Campesina de Veracruz), Партия труда Дуранго (Partido Duranguense del Trabajo), Партия рабочего единства Кордобы (Partido Unidad Obrera de Córdoba), Рабочая конфедерация Запада (Confederación Obrera del Oeste), Рабоче-крестьянская конфедерация Дуранго (Confederación Obrera y Campesina de Durango), Федерация труда Мичоакана (Federación del Trabajo de Michoacán) и Профсоюз квартиросъемщиков Кордобы (Sindicato de Inquilinos de Córdoba) (штат Веракрус).

Коммунисты в союзе с близкими им массовыми организациями впервые выставляли собственного кандидата на президентских выборах, принимая прямое участие в соревновании альтернатив развития постреволюционной Мексики и требуя замены органов государственной власти ассамблеями представителей рабочих и крестьян; отмены президентской администрации, создания местных советов гражданской и уголовной юстиции; вооружения крестьян; установления порога зарплаты для государственных служащих; ликвидации латифундий и передачи земли крестьянам; минимальной зарплаты в два песо в день на всей территории страны²¹. Первые месяцы деятельности блока действительно демонстрировали немалый энтузиазм крестьянского населения, охотно помогавшего в создании местных комитетов ВОС.

Однако нельзя не заметить, что ВОС лишь номинально руководился партией, не имевшей рычагов воздействия на его организации, многие из которых состояли в дружеских отношениях с губернатором Веракруса Адальберто Техедой. Данное обстоятельство не представляло проблемы, пока LNC и РСМ оставались союзниками, но любые серьезные осложнения в их отношениях были чреваты организационными трудностями.

Тогда же, стремясь использовать ослабление CROM, РСМ в январе 1929 г. пошла на создание нового профцентра — Унитарной профсоюзной конфедерации Мексики (Confederación Sindical Unitaria de México, CSUM)²², во главе которой встал Сикейрос. В ее состав вошли несколько рабочих и крестьянских объединений штатов, Национальная железнодорожная конфедерация, «красные» шахтерские профсоюзы Халиско, левые группы профсоюзов CROM Пуэблы и Веракруса, а также LNC.

Москва, когда-то выступавшая против идеи третьего профцентра в Мексике, теперь с энтузиазмом способствовала формированию CSUM. Генеральный секретарь РСМ Рафаэль Каррильо долго дискутировал с эмиссаром Профинтерна «Орестесом» (итальянцем Эннио Ньюди), настаивая на прежней линии (работе внутри реформистских профсоюзов привлечения

их на сторону коммунистов), но в конце концов был вынужден подчиниться последним установкам штаб-квартиры всемирной компартии. Выбора у него практически не оставалось: в рядах «терсеристов» (сторонников формирования CSUM) оказалось большинство руководителей партии. 13 августа 1928 г. ячейка РСМ в Федеральном округе направила в ЦК партии резолюцию о необходимости создания третьего профцентра, фактически дезавуируя всю прежнюю партийную линию. Эту идею активно поддерживал и руководитель LNC Урсуло Гальван (по словам Сикейроса, планируя сделать такой профцентр опорой электоральной кампании Обрегона)²³.

17 ноября 1928 г. был учрежден организационный совет Ассамблеи рабоче-крестьянского объединения. В состав совета вошли представители Конфедерации транспорта и коммуникаций, Рабочей федерации Тамаулипаса (Federación Obrera de Tamaulipas, FOT), Рабочей конфедерации Халиско (Confederación Obrera de Jalisco, COJ), Рабочей и крестьянской Лиги Коауилы (Liga Obrera y Campesina de Coahuila, LOCC), Палаты труда Нуэво-Леона (Cámara del Trabajo de Nuevo León, CTNL), Конфедерации рабочих и крестьянских профсоюзов Дуранго (Confederación de Sindicatos Obreros y Campesinos de Durango, CSOCD), Конфедерации рабочих и крестьянских профсоюзов Запада (Confederación de Obreros y Campesinos de Occidente, COCO), Рабочей Федерации Нуэво-Леона (Federación Obrera de Nuevo León, FONL), Федерации рабочих и крестьян Мичоакана (Federación de Obreros y Campesinos de Michoacán, FOСМ) и Конфедерации рабочих профсоюзов Найярита (Confederación de Sindicatos Obreros y Campesinos de Nayarit, CSOCN). Одновременно коммунисты сформировали на базе сочувствующих им профорганизаций Комитет пролетарской защиты (Comité de Defensa Proletaria, CDP), который должен был сосредоточиться на вопросах отстаивания рабочей позиции в различных конфликтах и создавать «движение меньшинства», объединяя вокруг себя самые революционные профсоюзы. CDP был сформирован 15 декабря 1928 г. на базе как рабочих, так и крестьянских организаций: LNC, FOT, COJ, LOCC, CTNL, CSOCN, COCO, CSOCD, Лиги за единый железнодорожный профсоюз (Liga por el Sindicato Único Ferrocarrilero), Федерации трудящихся пищевой промышленности (Federación de Trabajadores de Industria Alimenticia, FTIA). Фактически комитет оказывался своеобразной «страховкой» на случай неуспеха проекта создания третьего общенационального профцентра и представлял собой промежуточный вариант между этим проектом и предшествующей линией компартии в профсоюзной сфере.

26-30 января 1929 г. состоялась ассамблея объединения, на которой присутствовали 397 делегатов, представлявшие почти 400 профсоюзов (еще 102 профсоюза подтвердили свое присоединение к будущему профцентру по телеграфу или по почте). Нисколько не переоценивая влияния левых (вышеприведенные цифры были явно преувеличены), нельзя не заметить, что для них открылись новые возможности в рабочем движении ввиду процесса дезинтеграции CROM²⁴.

Нетрудно заметить, что CDP, CSUM, а также действовавшая с 1925 г. Антиимпериалистическая лига Мексики (Liga Antiimperialista de México, LAM) обладали во многом схожим составом участников. При сохранении общего ядра всех трех организаций коммунисты, стоявшие за всеми ними, получали возможность вовлекать в орбиту левого движения страны новых

активистов, считавших, что работают не с компартией, а с группами и организациями единого революционного и антиимпериалистического фронта. Создание CSUM являлось не только шагом в развитии профсоюзной деятельности партии, но и частью проекта по реализации более масштабного плана Коминтерна: неслучайно в документах нового профобъединения фигурировал пункт об открытой борьбе против тех правительств, которые «эксплуатируют и угнетают трудящихся Латинской Америки»²⁵.

КРАХ СОЮЗА РСМ И LNC

Начиная «левый поворот», Коминтерн и руководство его мексиканской секции практически не сомневались в успехе, поскольку были абсолютно уверены, что партия, несомненно, руководит левым рабочим и крестьянским движением страны (в рамках LNC). Действительно, CSUM стремительно превратился во второе по численности профобъединение, довольно быстро набиравшее авторитет. На высоком уровне находилась популярность партии среди интеллектуальной элиты страны. Все это отражалось в быстром росте количества и численности ячеек РСМ и их возникновении в районах, куда партии не удавалось ранее проникнуть годами. Хотя общая численность РСМ в 1500 членов (по данным оргсекретариата партии на момент V конференции)²⁶ и была невелика по сравнению с рядом европейских компартий, в ней состояло около 20% всех латиноамериканских коммунистов; к 1929 г. их число возросло вдвое. Партийная газета «El Machete» выходила тиражом в 11 тыс. экземпляров и являлась самой читаемой коммунистической газетой латиноамериканского континента. Дальнейшие события, однако, показали, что CSUM и LNC вовсе не были монолитны, а партийные позиции в них не столь прочны.

Лакмусовой бумажкой для выявления различных подходов к взаимоотношениям с правительством и между РСМ и LNC стал произошедший в марте 1929 г. правый антиправительственный военный мятеж. Как это было уже не раз, активисты Лиги начали вступать в ряды правительственных войск для борьбы с мятежниками. РСМ, поддержав позицию LNC, в то же время подвергла резкой критике правительство Портеса Хиля (за «пассивную позицию» во время подготовки эскобаристского выступления) и призвала одновременно всех рабочих и крестьян «организовывать наши собственные силы» для борьбы против реакции, объединиться «для создания рабоче-крестьянского правительства», собираясь превратить подавление мятежа в вооруженное восстание, захватив власть в ряде регионов²⁷.

Позиция РСМ оказывалась заранее обреченной на поражение уже в силу того факта, что правительство прекрасно знало о планах партии. Хотя использование вооруженных методов борьбы и создание партизанских очагов было привычным делом в рамках мексиканской политической культуры, несмотря на то, что тогдашнее мексиканское общество во многом жило этой атмосферой борьбы, лидеры партии под влиянием Москвы совершенно бесосновательно сделали вывод о наступлении своевременного момента для восстания.

В период эскобаристского мятежа Гальван предложил свернуть избирательную кампанию ВОС, дабы не играть против правительства и не заставлять его бороться одновременно на несколько фронтов. Логика лидера

блока была проста: в гражданской войне реальные шансы выиграть он видел только у правительства и мятежных армейских частей, но никак не у ведомого им электорального фронта. После отказа РСМ пойти на такие меры LNC вышла из ВОС, не желая рвать отношения с революционными националистами. Попытка части крестьянских активистов (из числа членов компартии) в штате Дуранго сохранить оружие, розданное им ранее военными, спровоцировала жесткую реакцию властей: двое крестьянских руководителей были расстреляны по обвинению в подрывной деятельности и агитации против государственных учреждений²⁸. Среди казненных оказался казначей LNC и член ЦК РСМ Хосе Гуадалупе Родригес, что переполнило чашу терпения коммунистов, готовых теперь к открытой конфронтации с правительством. Находившийся в этот момент в Мексике эмиссар Коминтерна швейцарец Эдгар Воог («Альфред Штирнер») откровенно писал в письме, направленном в Москву, что «поскольку хаос в стране продолжится <...> надо проводить всю организационную и агитационную работу, имея в виду, что в скором будущем (возможно, в конце года или в начале следующего) нам придется вести массы на вооруженное движение в нашу пользу»²⁹. При этом из поля зрения левых выпал тот факт, что в аграрном вопросе правительство Хиля было настроено гораздо радикальнее, чем Кальес, и было готово пойти на уступки рабочим. Это давало почву для сохранения сотрудничества в той или иной форме. Но свое решение коммунисты уже приняли.

Идея полного разрыва с правительством была, по всей вероятности, результатом реализации коминтерновского плана. Активный сторонник путчистской линии Сикейрос откровенно говорил о данных Хосе Родригесу инструкциях по организации борьбы крестьян с федеральной армией. Уже после ареста последнего Сикейрос телеграфировал остальным партийным и крестьянским лидерам в штате Дуранго, требуя не сдавать оружия и сопротивляться в случае попытки силового разоружения³⁰.

Сам план восстания, разработанный по директивам Коминтерна или непосредственно в штаб-квартире всемирной коммунистической партии, до сих пор не обнаружен исследователями. Есть, однако, косвенные доказательства, подтверждающие наличие подобного документа или, по крайней мере, идеи сформулированной устно. О специальном циркуляре, направленном Профинтерном секциям CSUM в связи с военным мятежом, упоминал эмиссар Красного Интернационала профсоюзов в Мексике Эннио Ньюди³¹. Находившийся во время эскабаристского мятежа в штате Халиско активист РСМ Витторио Видали не только занимался организацией сопротивления восставшим против правительства генералам, но и готовил открытие «второго фронта» — свержение правительства: «У нас была иллюзия завоевания власти. Но мы столкнулись с поражением»³². Экс-активист РСМ Бернардо Клараваль утверждал, что борьба с мятежными генералами являлась лишь прикрытием для трансформации военного мятежа в гражданскую войну против правительства, о чем якобы распорядились представлявшие Коминтерн Видали, «Штирнер» и «Педро» (Михаил Грольман). Еще ранее подобную точку зрения высказал активист LNC Хулио Куадрос Кальдас³³. Даже учитывая тенденциозность его воспоминаний, как и мемуаров Кларавалья, появившихся накануне «холодной войны», нельзя не заметить того, что они различаются лишь в оттенках со свиде-

тельствами Видали и Сикейроса, сохранивших убежденность в правоте коммунистических идей.

Несколько призывов РСМ к У.Гальвану объединить усилия в борьбе против социал-фашизма и «предательских» действий правительства результата не дали, напротив, он и его соратник Мануэль Альманса публично порвали с коммунистами и были исключены из партии и Крестинтерна в мае 1929 г., а пленум ЦК РСМ (июль 1929 г.) и Москва утвердили эти меры. Вопреки очевидным фактам руководство III Интернационала констатировало, что именно Гальван был вынужден «искать сближение с партией и ее помощи, в которой благодаря влиянию компартии в массах он нуждался как отживающий и дискредитированный лидер»³⁴.

Резкую эволюцию партийной политики нельзя сводить исключительно к давлению Москвы. В ситуации, сложившейся в Мексике, тактика «класс против класса» трансформировалась в идею фронтального столкновения с правительством и попытку использовать антиправительственный мятеж эскабаристов для спонтанного захвата власти. Сама обстановка постреволюционной Мексики и привычка к созданию местных вооруженных формирований была фактором, способствующим развитию идеи вооруженной борьбы без каких-либо попыток анализа последствий. Последующая оценка, сделанная Р.Каррильо, о том, что «левый поворот» РСМ в 1928—1929 гг. был вызван нажимом со стороны «вечно ревнивого хранителя революционной чистоты» аргентинца Кодовильи³⁵, представляется субъективной. Произошло очевидное совпадение внешних (в лице Коминтерна) и внутренних факторов развития мексиканского левого движения. Еще в конце 1928 г. Гуадалупе Родригес не скрывал свою точку зрения («пришло время осуществить в Мексике коммунистическую революцию»)³⁶. В свою очередь, делегат Мексики на Первой конференции компартий Латинской Америки Сикейрос занимал откровенно путчистские позиции. То, что представители аргентинской компартии, доминировавшей в Южноамериканском секретариате Коминтерна, с готовностью доложили высшему руководству III Интернационала о подобных настроениях в РСМ, лишь ускорило развитие событий.

Состоявшийся в июле 1929 г. X пленум ИККИ направил острие борьбы компартий против «правой» опасности в коммунистическом движении. В Латинской Америке она формально не рассматривалась ВКП(б) и Коминтерном как главная. Секретарь ИККИ Дмитрий Захарович Мануильский поставил перед «молодыми» компартиями задачу «самым решительным образом разорвать с идеологией и традициями мелкобуржуазного радикализма, рядящегося в тогу «страшно левого» анархизма, выкинуть из партии все либеральные и полулиберальные элементы, строить компартию на социальном базисе рабочего класса, воздействуя и увлекая крестьянские массы через посредство организаций, стоящих под влиянием партии, идейно укреплять компартию на основах марксизма и ленинизма, на богатом опыте ВКП(б) и коммунистических партий Европы»³⁷. Подход пленума легко объясним: буквальное следование схемам европейского рабочего движения было неприменимо в Латинской Америке, где главными соперниками коммунистов за влияние среди рабочих и крестьян оказывались, прежде всего, анархисты, а не социал-демократы. Но резолюции пленума были абсолютной формальностью, и предполагалось именно максимальное обо-

собление компартий от прежних союзников вне зависимости от того, являлись те «правыми» или нет. Впрочем, выступавший на пленуме представитель коммунистической фракции Крестинтерна С.С.Пестковский, занял гораздо более сектантскую позицию, чем основной докладчик.

Если в докладе Д.З.Мануильского слово «правый» применительно к Латинской Америке даже не было произнесено, то Пестковский весь пафос свой речи обратил именно на «правую опасность», которая, по его мнению, выражалась в компартиях континента главным образом существованием на практике так называемых широких партий³⁸. Это прекрасно понимало и большинство руководителей РСМ, и находившийся в Мексике эмиссар Коминтерна Грольман, решившие действовать в полном соответствии не с буквой, а с духом X пленума и обрушившиеся именно на «правую опасность», исключив из партии Диего Риверу, Урсуло Гальвана, Федерико Баха (Фрица Сульцбахнера) и других видных партийных функционеров. Идея ликвидации «широких партий», озвученная на московском пленуме Пестковским, и преобразования их в «действительно коммунистические партии» стала обретать реальные черты в 1930 г. во всех странах Латинской Америки.

Начиная с лета 1929 г., руководство РСМ активно занялось энергичной борьбой с «правыми, а также и с примиренцами, которые своей позицией фактически затушевывают политику правых»³⁹. Всегда сильные в РСМ левацкие и путчистские тенденции выплеснулись наружу после того, как правительство Портеса Хиля обрушило на партию репрессии. На протяжении мая 1929 г. — февраля 1930 г. был арестован генсек РСМ Каррильо, лишен депутатского мандата единственный коммунист в парламенте Эрнан Лаборде, высланы из страны партийные активисты-иностранцы «Хулио Гомес» (Юлий Исаакович Розовский), Давид Гальперин, Файре Соловейчин, Фраин Протот, Абрахам Голдфеде, Хана Домовска, Мануэль Котоньо Вальдес, Алехандро Баррейро, Сандалио Хунко и Луис Иполито Эчевере, несколько раз закрывалась партийная газета «El Machete»⁴⁰. Тайная полиция ежедневно собирала информацию об активистах мексиканской секции III Интернационала, в том числе выявив местожительство члена Исполкома Карибского секретариата Международной организации помощи борцам революции (МОПР) перуанца Хакобо Гурвица, а также установив пребывание в Мексике агента Коминтерна Грольмана (агенты при этом не сумели идентифицировать его, поняв лишь, что речь идет о «русском по имени Педро»)⁴¹.

Своеобразным фоном, четко продемонстрировавшим позицию III Интернационала в отношении мексиканских событий, стал манифест ИККИ, подготовленный специальной комиссией, опубликованный в прессе всемирной компартии: «...самый постыдный и циничный террор, развязанный против мексиканских рабочих и крестьян, сопровождаемый роспуском коммунистической партии, <...> полностью срывают маску с так называемого революционного правительства Портеса Хиля, Кальеса и их присных»⁴². ИККИ инициировал общемировую кампанию протеста против действий мексиканских властей; в различных странах у мексиканских дипмиссий состоялись митинги и демонстрации. В документах июльского пленума ЦК РСМ содержалась жесткая критика руководства партии за неумение или нежелание организовать вооруженное сопротивление правительству, разоружавшему крестьянские отряды.

Позиция большинства ЦК партии в отношении эскабаристского восстания (несмотря на все предпринятые коммунистами меры) была заклеена пленумом как «примиренческая». Критике подверглась также точка зрения CSUM, полагавшей, что рабочие и крестьяне не должны вмешиваться в «конфликт двух буржуазных групп». Документы, впрочем, свидетельствуют: среди руководства мексиканских коммунистов, были люди, разделявшие идею одновременного «немедленного восстания» как против правительства, так и против мятежников и считавшие, что партия «фактически превратилась в часть единого фронта по борьбе с реакцией в тех же самых окопах, где находилось и правительство Портеса Хиля-Кальеса...»⁴³. Отныне для РСМ не было разницы между правительством и «фашистскими партиями», реформистские возможности правящей группировки теперь отрицались, а сама она отождествлялась с открытой контрреволюцией. Уже в августе 1929 г. на Конвенте Сикейрос, представлявший CSUM, охарактеризовал проект Закона о труде трудового кодекса как фашистский, встретив в результате резкую отповедь со стороны экс-кромиста Висенте Ломбардо Толедано: «Пока коммунистическая группа не продемонстрирует пролетариату Мексики, что тот способен трансформировать нынешний буржуазный режим и завладеть правительством, трудящиеся Мексики будут справедливо считать коммунистическую группу группой преступников, поскольку умышленно направлять рабочие организации по пути провала есть вид преступления»⁴⁴. Подобная ситуация влекла за собой, согласно резолюциям пленума, неизбежную новую, социалистическую революцию, «новое и грандиозное революционное движение рабочих и крестьянских масс» для решения аграрного вопроса, рабочих проблем и борьбы с империалистическим проникновением в Мексику⁴⁵.

Отождествление левой социал-демократии с фашизмом, осуществленное Коминтерном, хотя и было глубоко ошибочным шагом, но, тем не менее, отражало реальный конфликт внутри европейского рабочего движения. В Мексике же РСМ была вынуждена объявить фашистами и заклятыми врагами левого движения и компартий своих самых тесных союзников на протяжении 1920-х годов. Решения июльского пленума квалифицировали Адальберто Техеду, Рамона де Негри и иных некоммунистических революционеров как самых опасных врагов рабочих и крестьян и призывали бороться в первую очередь против них. Признавая слабость и недостаточную численность РСМ, ее новый руководитель Лаборде был, однако, уверен, что чистка партии и ее «окончательная большевизация» превратят мексиканскую секцию III Интернационала в мощную силу⁴⁶. Вне рядов мексиканской секции Коминтерна остались целый ряд руководителей LNC, а также «правые оппортунисты» Диего Ривера, Луис Монсон, Энрике Флорес Магон и Фриц Бах, не поддерживавшие Гальвана, но «виновные» в поддержании связей с правительственными и околоправительственными структурами.

Причиной исключения Риверы, в частности, стал его отказ выполнить категорическое требование партии сделать публичную декларацию о реакционном характере правительства, с которым он намерен бороться, невзирая на заключенный контракт по росписи стен Национального дворца⁴⁷. Естественно, у него самого к тому времени накопились и причины для разрыва с партией. Руководитель РСМ весьма раздраженно описывал раз-

говору с Диего Риверой и сенатором Луисом Монсоном накануне их исключения: «Вопросы в [Рабоче-Крестьянском] блоке решаются не настолько хорошо, как бы нам хотелось, это вызвано поистине мерзкой позицией Диего, ибо в связи с началом наступления на нас и нападков в прессе на него со стороны [губернатора] Терронеса Бенитеса за получение денег от правительства при одновременной критике в адрес властей, этот чертов пузан заявил нам, что так продолжаться не может, и чтоб ему дали спокойно творить, что партия должна бы понять, что ему «надо работать, чтобы есть»⁴⁸, а июльский пленум 1929 г. стал удобным поводом для выяснения отношений. Весьма показателен факт ухода художника в ряды «левой оппозиции» (троцкистов), несмотря на то, что пленум квалифицировал его как «правого». Накануне своего исключения Ривера активно участвовал в антиправительственных акциях компартии, в том числе в собравшем более 500 человек митинге в начале августа в Мехико. В ходе мероприятия коммунисты в очередной раз заклеили «сотрудничество» с правительством Р. де Негри и Марте Р.Гомеса, жестко осудили новый кодекс о труде. Выступавший на митинге Сикейрос прямо заявил, что «придет момент, когда всем портесам хилям, всем де негри, всем моронистам и всем валенте кинтана придется защищаться»⁴⁹.

В августе 1929 г. РСМ потребовала отмены «фашистского кодекса о труде», рассматривая его как документ, «связывающий рабочих и сводящих к бессилию или нелегальности их классовые организации»⁵⁰. Жесткую позицию в отношении властей РСМ демонстрировала и позже. Так, в ноябре 1929 г. на митинге в честь 12-й годовщины Октябрьской революции в СССР руководители компартии осудили правительство «как продавшееся буржуазии». Отдельного упоминания «удостоился» новый министр промышленности — Р. де Негри, на которого была возложена вина за рост безработицы. Объявив правительство «прислужником империализма», выступавший на мероприятии комсомолец Хорхе Пиньо призвал армию и полицию не подчиняться приказам в случае распоряжений об арестах рабочих и разгоне демонстраций. Сменивший его на трибуне представитель CSUM Сикейрос потребовал «не падать в обморок от [имеющейся] задачи свержения нынешнего правительства»⁵¹.

Во второй половине 1929 г. новые теоретические установки были дополнены кадровыми перестановками в руководстве партии: на первые роли вышли член Политбюро ЦК Компартии, железнодорожный служащий Эрнан Лаборде (он стал новым генсеком), Мигель Анхель Веласко (оргсекретарь ЦК РСМ), Валентин Кампа, Анхель Агирре (профсоюзные секретари) и Висенте Герра (аграрный секретарь). Фигура Лаборде была подобрана на руководящий пост неслучайно. Бывший железнодорожник идеально подходил для этой роли не только ввиду пролетарского происхождения (ставшего важнейшим кадровым принципом периода «большевизации партии»), но и потому, что являлся одним из лидеров ВОС, а это могло, по замыслу Коминтерна, сохранить связи с крестьянами, «уведя их из-под влияния» бывших союзников во главе с Гальваном. На деле же чистка РСМ от «правых», а затем от троцкистов обернулась ускорением процесса маргинализации коммунистов внутри левого движения и в политической жизни страны.

В результате упорного давления со стороны РСМ кандидат ВОС Родригес Триана остался верен компартии, хотя и не стал активизировать кампа-

нию, как того добивалось руководство мексиканской секции Коминтерна⁵². Однако основная часть аграристов вышла из-под влияния коммунистов, отдав свои голоса официальному кандидату Паскуалу Ортису Рубио или вовсе отказавшись принимать участие в выборах, на которых Ортис Рубио получил 2 млн голосов, тогда как ВОС довольствовался 20 тыс. голосов. 10 декабря ЦК Компартии постановил как можно скорее распустить блок. Руководство компартии опасалось превращения блока в постоянную политико-электоральную машину, которая могла бы со временем оспорить у РСМ «руководство массами, не только в электоральной сфере, но и во всех местах революционной борьбы»⁵³. Фактически предполагалось перехватить активистов у блока, создав за его счет партийные ячейки в местностях, ранее не охваченных партийными структурами и включив в состав CSUM профсоюзы промышленных и сельскохозяйственных рабочих, не входивших непосредственно в сферу влияния «красного профцентра». На базе местных крестьянских организаций, сохранивших лояльность к коммунистам, мексиканская компартия планировала создать новую общенациональную крестьянскую лигу взамен LNC. Все последующие избирательные кампании должна была осуществлять непосредственно РСМ.

Наполеоновские планы мексиканских коммунистов оказывались весьма далекими от реалий политической жизни страны 1929—1930 гг. Произошло существенное сокращение их влияния в крестьянской среде, а партийная газета «El Machete» практически исчезла в сельской местности. LNC, порвавшая с коммунистами, также пережила мощный кризис и лишилась поддержки ряда губернаторов, не видевших более смысла в этой организации. В результате организованного властями переворота внутри лиги Гальван и его сторонники на V национальном конгрессе LNC (февраль 1930 г.) были выведены из руководства организации и заменены на абсолютно лояльных правительству людей, состоящих в PNR⁵⁴. Гальвану и его окружению так и не удалось восстановить влияние в лиге или создать вместо нее равноценную организацию (провалом закончились и аналогичные попытки РСМ). Сочувствовавший аграристам Техеда был фактически лишен властных полномочий «хефе максимо» мексиканской революции Кальесом, в чем федеральному правительству косвенно помогала и РСМ, регулярно поливавшая грязью «социал-предателей» Техеду, Марте Р.Гомеса и Р. де Негри. «Левый поворот» партии моментально положил конец годами налаживавшимся контактам с левым крылом правящей националистически настроенной буржуазии. В конечном итоге в тупике оказались и партия, и независимое крестьянское движение. Обескровливание радикального аграризма облегчило правительству задачу по разоружению крестьян.

Серьезные перемены в политике Коминтерна неизбежно вели и к перемене позиции в отношении мексиканских властей и оценке развития мексиканской революции и степени ее самостоятельности, что, в свою очередь, не могло не вызвать недовольства со стороны некоммунистической левой, поддерживавшей до того регулярные контакты и с РСМ, и с советскими властями. Так, мексиканский посол в Москве Хесус Сильва Эрсог, являвшийся советником LNC, и специально добившийся в декабре 1928 г. дипломатического поста, чтобы вблизи наблюдать революционные процессы, поначалу активно устанавливал отношения с наркомом просвещения СССР Анатолием Васильевичем Луначарским и руководителями

ВКП(б) и Коминтерна, участвовал в дискуссиях, проводимых в Международном аграрном институте (находившемся фактически под эгидой III Интернационала). Но постепенно мексиканский дипломат был неприятно разочарован фактами ограничений в контактах и рекомендациями активисту РСМ и известному мексиканскому художнику Хавьеру Герреро (студенту Международной ленинской школы) не поддерживать никаких отношений с посольством. И именно растущая враждебность заставила Сильву Эрсога пересмотреть многие из своих прежде оптимистических оценок советского опыта и его ценности для мексиканской революции. В начале своего пребывания в Москве посол признал необходимость наличия тайной полиции для укрепления и защиты правительства, значение общественной роли армии, более высокий уровень жизни трудящихся, системы потребкооперации, отмечал важность кампании по ликвидации безграмотности. Позже он начал замечать то, что раньше оставалось вне его поля зрения: контроль за проявлениями народного недовольства, осуществляемый Государственным политическим управлением, наказания за невыполнение плановых заданий, подчиненное положение мексиканских коммунистов по отношению к Коминтерну. Итоговый вывод Сильвы Эрсога стал эпитафией к отношениям радикальной некоммунистической левой элиты с РСМ и Коминтерном: «Советский Союз, управляемый Коммунистической партией, превратил диктатуру пролетариата в диктатуру Центрального Комитета, более того, в диктатуру самого Сталина. Кое-что сделано для блага русского народа, но разговоров больше, чем реальных дел. Пропагандистские книги, которые мы читали в Мексике ... на сто процентов преувеличивают»⁵⁵.

Резкая перемена партийной линии в 1929 г. вопреки ожиданиям ИККИ нанесла тяжелейший удар по партии и левому движению в момент, когда они достигли определенных высот в своем развитии. Правительственные репрессии, дополняемые внутрипартийными чистками от так называемых правых, привели к потере коммунистами множества политических лидеров как из числа интеллектуалов, так и крестьян, а также к фактическому разрыву связей с массами, установленных на протяжении предшествующих лет. Принятый ранее III Интернационалом план развертывания в Мексике Карибского бюро Коминтерна пришлось на ходу пересматривать: осуществлять работу международных структур всемирной компартии в условиях конфликта с правительством оказывалось совершенно невозможно, потому что для этого не было ни нужного количества кадров, ни шансов на ведение пропагандистской и агитационной деятельности. Перенос местопребывания Карибского бюро в Нью-Йорк, осуществленный по просьбе самой РСМ, видевшей невозможность его функционирования в Мексике в новых условиях, снижал значение мексиканской секции внутри коминтерновской иерархии и неизбежно сокращал возможности мексиканских левых проводить самостоятельную линию.

Тактика «класс против класса» отразилась и на деятельности Всеамериканской антиимпериалистической лиги (Liga Antiimperialista de las Américas, LADLA), мексиканская секция которой фактически была вынуждена свернуть свою деятельность из-за отсутствия кадров для продолжения работы. Показательно, к примеру, что из ораторов антивоенного и антиимпериалистического митинга 1 августа 1929 г. (т.е. как раз в момент «левого поворота» РСМ) уже через несколько недель в рядах активистов партии

осталось меньше половины. Каррильо перестал быть генеральным секретарем партии, а вскоре на несколько лет переехал работать на Кубу и в США, фактически отойдя от внутримексиканской повестки дня левого движения. Представлявший LADLA Ривера оказался в рядах троцкистской оппозиции, как и выпускник МЛШ и активист профдвижения кубинец Сандалио Хунко (представлявший Латиноамериканскую профсоюзную конфедерацию (Confederación Sindical Latinoamericana, CSLA). На некоторое время был исключен из компартии Сикейрос (представлявший на митинге CSUM). Причем все четверо, несмотря на серьезные различия в их взглядах, были теми фигурами, кто был способен устанавливать определенные связи с партнерами коммунистов и привлекать к себе людей. Ни Лаборде, ни Кампа в конце 1920-х годов не сумели стать равнозначной им заменой⁵⁶. Еще в ноябре 1929 г. ЦК РСМ заявил о необходимости перевода континентального комитета организации в Нью-Йорк. Мотивы такого драматического для РСМ решения были предельно четко объяснены в резолюции ЦК: с отъездом и депортацией ряда эмигрантов — активистов лиги (и добавим, выталкиванием из орбиты деятельности компартии многих других знаковых фигур мексиканской политики) «в Мексике в настоящее время нет подходящих товарищей для руководства этой работой»⁵⁷. При формальной правоте ЦК РСМ, справедливо указывавшего на возможность ликвидации аппарата LADLA в ходе правительственных репрессий правительств периода «максимата», размещение штаб-квартиры континентального антиимпериалистического движения в США было полным пересмотром идеи «всеамериканской» лиги и ее превращения в «панамериканскую», что лишь усиливало ее становившуюся очевидной беспомощность в новых обстоятельствах. И совсем неудивительным стали последовавшее вскоре прекращение выпуска журнала «El Libertador» и сведение деятельности лиги к работе в отдельных странах под руководством местных коммунистов.

К январю 1930 г. в Мексике осталось лишь шесть местных организаций LADLA, работу которых координировал Хакобо Гурвиц, однако вскоре РСМ перевела его руководить направлением работы, которое сочли более важным — деятельностью агитпропотдела ЦК партии; это лишь сузило и без того небольшой размах активности лиги. LADLA в Мексике продолжала стремительно деградировать, что признали и сами коммунисты: по словам лидера секции Рабочей помощи Гастона Лафарги, было даже «невозможно точно сказать, есть ли действующие первичные организации». В начале 1930-х годов деятельность LADLA приобрела спорадический характер и оживилась уже только после VII конгресса Коминтерна в период правительства Ласаро Карденаса (1934—1940), но не как самостоятельное направление работы, а как часть партийной стратегии Народного фронта.

«Левый поворот» 1928—1929 гг., ознаменовавший начало совершенно нового этапа в развитии РСМ, означал резкий разрыв со всей предшествующей практикой партийного строительства и взаимоотношений с Коминтерном. Коммунисты Мексики отказались от политики альянсов с некоммунистическими левыми из числа крестьян, околупартийной интеллигенции и революционных националистов. Одновременно возросла зависимость РСМ от штаб-квартиры III Интернационала. Эта резкая перемена

партийной линии, вопреки расчетам на быструю победу социалистической революции под руководством РСМ, оказала негативное влияние на левых, достигших к тому моменту сравнительно высокого уровня развития. Внутрпартийная чистка от недостаточно революционных активистов совпала с волной правительственных репрессий и привела к маргинализации компартии и левого движения в целом на многие годы, одновременно снизив и влияние РСМ внутри Коминтерна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ J.W.F.D u l l e s. Ayer en México. Una crónica de la Revolución (1919-1936). México, FCE, 1977, pp. 355-356.

² T.M e d i n. El minimato presidencial: historia política del maximato, 1928-1935. México, FCE, 1985.

³ El Universal. México, 8.XII.1928.

⁴ A.L o s o v s k y. El movimiento sindical Latino Americano. Sus virtudes y sus defectos. Montevideo, Cosinlatam, 1929, p. 51.

⁵ Informe de la delegación del Partido Comunista de México al VI Congreso de la Internacional Comunista. México, D.F., 20 de noviembre de 1928. — Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). ф. 495. Оп. 108. д. 83. л. 15.

⁶ Стенографический отчет конгресса Коминтерна. Вып. 4. Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. М.-Л.: Госиздат, 1929, p.14 [Stenograficheskii otchet kongressa Kominterna. Вып. 4. Revolyutsionnoye dvizheniye v kolonialnyj i polukolonialnyj stranaj] [Stenographic Report of the Comintern Congress. Vol. 4. The Revolutionary Movement in Colonies and Semi-Colonies]. Moscow-Leningrad, Gosizdat, 1929, p. 14.

⁷ Ibid., p. 139.

⁸ Ibid., p. 241.

⁹ Ibid., p.307; Informe de la delegación del Partido Comunista de México... Л. 18.

¹⁰ Стенографический отчет конгресса Коминтерна. Вып. 4. ..., p. 173.

¹¹ А.Ю.В а т л и н. Коминтерн: первые десять лет. М., Россия молодая, 1993, p. 111 [A.Yu.V a t l i n. Komintern: pervye desyat' let] [The first ten years of the Comintern]. Moscow, Rossiya Molodaya, 1993.

¹² В.Л.Х е й ф е ц. Коминтерн и эволюция левого движения Мексики. СПб., ГОУ ВПО «Ленинградский областной институт экономики и финансов», Наука, 2006 [V.L.Jeifets. Komintern i evolyutsiia levogo dvizheniia Meksiki] [The Comintern and the Evolution of Mexico's Left-Wing Movement]. Saint-Petersburg, LOIEFT, Nauka, 2006.

¹³ Informe de la delegación del Partido Comunista de México... Л. 16.

¹⁴ Sexto Congreso de la Internacional Comunista. México, Fondo de Cultura Popular, 1977, pp. 132, 299—309, 382—383.

¹⁵ Informe de la delegación del Partido Comunista de México... л. 17—18.

¹⁶ Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. М.: Госиздат, 1933, p. 850 [Kommunisticheskii Internatsional v dokumentah. Resheniia, tezisyy i vozzvaniia kongressov Kominterna i plenumov IKKI. 1919-1932] [The Communist International's documents. The decisions, theses and declarations of the Comintern Congresses and the ECCI Plenums. 1919-1932]. Moscow: Gosizdat, 1933, p. 850.

¹⁷ E.B a r r i o s. El escuadrón de hierro. México, s.e., 1938, p. 175.

¹⁸ L.J e i f e t s, V.J e i f e t s, P.H u b e r. La Internacional Comunista y América Latina, 1919-1943. Diccionario Biográfico. Moscú-Ginebra: Instituto de Latinoamérica de la Academia de las Ciencias, 2004.

¹⁹ El movimiento revolucionario latinoamericano. Versiones de la Primera Conferencia comunista latinoamericana. Junio de 1929. Buenos Aires, La Correspondencia Sudamericana, 1929, p. 56, 181; Plática con los delegados de México. 28 de mayo de 1929. — РГАСПИ. ф. 495. Оп. 108. д. 99. л.16.

²⁰ Diego Rivera y José Ma. Díaz al Secretario de Gobernación. México, D.F., 27 de febrero de 1929. — Archivo General de la Nación (AGN). Colección "Dirección General del Gobierno". Vol. 24. Exp. 2.312 (29) 116.

²¹ El Machete. No. 149. México, 26.I.1929.

²² A.G á l v e z. La sección mexicana de la Internacional Comunista y el movimiento obrero (1919 -1943). — Iztapalapa. 1982, No. 6, p. 248.

²³ Plática con los delegados de México. 28 de mayo de 1929..., J. 17.

²⁴ V.C a m p a. Mi testimonio. Memorias de un comunista mexicano. México, Cultura Popular Ediciones, 1978, p. 43-46.

²⁵ Comité de Defensa Proletaria a la Federación Obrera de Michoacán, México, 8 de diciembre de 1928; «Bases Constitutivas del Comité de Defensa Proletaria». — Hoover Institution Archives. Rodolfo Echeverría Collection, Box 15, exp. 15.7.

²⁶ Declaración del Secretario de Organización del CC del PCM Julio Gómez. S.f. — Centro de Estudios del Movimiento Obrero y Socialista (CEMOS). Colección Julio Gómez. Sin número de foja.

²⁷ Доклад для Президиума ИККИ «Современное положение в Мексике» 18 мая 1929 г. [Doklad dlia Prezidiума ИККИ “Sovremennoie polozhenie v Meksike” 18 maia 1929 g.] [“Contemporary situation in Mexico”, the information sent to the Presidium of the CEIC, May, 18, 1929]. РГАСПИ. ф. 495. Оп. 108. д. 100. л. 58.

²⁸ E.P o r t e s G i l. Autobiografía de la Revolución Mexicana. México, Instituto Mexicano de Cultura, 1964, pp. 213—225.

²⁹ A.S t i r n e r a MDR, abril de 1929. — РГАСПИ, ф. 495, оп. 108. Д. 105. Л. 5.

³⁰ Pláticas con los delegados de México. 28 de mayo de 1929. — РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 79. Д. 9.

³¹ “Orestes” [Gniudi] a «Alexander” [Losovsky], 9 de marzo de 1929. — Там же. Ф. 534. Оп. 4. Д. 289.

³² V.V i d a l i. Retrato de Mujer. Una vida con Tina Modotti. Puebla, Universidad Autónoma de Puebla, 1984, p. 16.

³³ J.C u a d r o s C a l d a s. El comunismo criollo. Puebla, Loyo, 1930, p. 68—73; B.C l a r a v a l. Cuando fuí comunista. México, Polis, 1944, p. 111.

³⁴ Доклад для Президиума ИККИ «Современное положение в Мексике» ..., л. 57—58.

³⁵ R.M e l g a r B a o. Memoria roja de los años veinte. El testimonio de Rafael Carrillo. — Memoria. Boletín de CEMOS. 1996. Num. 92, p.57.

³⁶ J.S i l v a H e r z o g. Una vida en la vida de México. México, Siglo XXI Editores, 1972, p. 113—114.

³⁷ X пленум Исполкома Коминтерна. Июль 1929. Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. Выпуск первый. М., 1929, p. 56 [X Plenum Ispolkoma Komintern. Iyul’ 1929. [Mezhdunarodnoye polozheniye i zadachi Kommunisticheskogo Internatsionala. Vypusk 1.] [The Xth Plenum of the Comintern Executive. July of 1929. The International Situation and the Tasks of the Communist International. Vol. 1]. Moscow, Gosizdat, 1929, p. 56.

³⁸ Ibid., p. 373—374.

³⁹ Выдержки из резолюции ЦК КПМ о X пленуме ИККИ. [Vyderzhki iz resolutsii TsK KPM o X plenumе ИККИ] [The Extracts from the resolution on the Xth Plenum of the CEIC taken by the CC of the CPM]. РГАСПИ. ф.495. Оп. 108. д. 129. л.1-1 об.

⁴⁰ Relación que manifiesta los Comunistas extranjeros, que se ponen a disposición de la Secretaría de Gobernación para que sean expulsados del País. México, 27 de diciembre de 1929. — AGN. Ramo P. Ortiz Rubio. Año 1930. Exp. 168A; Informe del Agente núm. 4. al Jefe del Departamento Confidencial sobre clausura de las Oficinas del Partido Comunista y de su órgano periodístico “El Machete”. México, 24 de julio de 1929. — AGN. DIPS. Vol. 58. Exp. 1. F. 8; Memorándum del Departamento Confidencial de Secretaría de Gobernación al Agente núm. 12. — AGN. DIPS. Vol. 34. Exp. 3. F. 12.

⁴¹ Informe de la Agente núm. 20 al Jefe del Departamento Confidencial de la Secretaría de Gobernación sobre actividades de los elementos comunistas en México. México, 22 de agosto de 1929. — AGN, DIPS. Vol. 61. Exp. 15. Fs. 122-123; Informe de la Agente núm. 20 al Jefe del Departamento Confidencial de la Secretaría de Gobernación sobre actividades del Grupo Comunista. México, 20 de septiembre de 1929; Informe de la Agente núm. 20 al Jefe del Departamento Confidencial de la Secretaría de Gobernación sobre domicilios de los comunistas en México, D.F., 30 de septiembre de 1929. — AGN. DIPS. Vol. 61. Exp. 15. FF.126, 128.

⁴² Against Repression in Mexico! — Inprecorr. 1929, July, 19. № 34 .p. 732; M.D.R. [Díaz Ramírez M.]. The White Terror in México. — Inprecorr. 1929. July, 5. № 32, p. 705.

⁴³ ¡Contra el oportunismo, por la bolchevización! Resoluciones del Pleno de julio del CC del PCM, 1929. — CEMOS. Colección PCM. Caja 4. Exp. 1.

⁴⁴ R.S a l a z a r. Historia de las luchas proletarias de México, de 1923 a 1936. México: MCMXXXVIII, p. 377—378.

⁴⁵ El PCM en la senda de la bolchevización. México: s/f., p. 29.

⁴⁶ Material de la discusión hecha en C.C. del PCM sobre el artículo titulado "Los problemas del PCM", publicado en *The Communist*, numero de mayo. — ПГАСПИ. Ф.495. Оп. 108. Д. 128. Л.116.

⁴⁷ M.C o n s t a n t i n e. Tina Modotti. Una vida frágil. México: FCE, 1979, p. 156.

⁴⁸ R.C a r r i l l o a G ü e r o [Woog], a 15 de julio de 1929. — ПГАСПИ. Ф. 495. Оп. 108. Д. 104. Л. 26.

⁴⁹ Informe del Agente núm. 20 al Jefe del Departamento Confidencial acerca de Mitin comunista celebrado en el cine Capitolio de esta Ciudad. México, 2 de agosto de 1929. — AGN. DIPS. Vol. 61. Exp. 15. F. 105.

⁵⁰ El Machete. México, VIII.1929, Núm. 177.

⁵¹ Informe de los Agentes 14, 19 y 25 al Jefe del Departamento Confidencial de la Secretaría de Gobernación sobre la conmemoración del duodécimo aniversario de la revolución rusa en el Frontón Hispano-Mexicano, Calle Balderas y Colón. México, D.F., 8 d noviembre de 1929. — AGN. DIPS. Vol. 59. Exp. 45. Fs. 188—189.

⁵² El informe del CC del PCM al CEIC, a 3 de enero de 1930. — ПГАСПИ. Ф.495, оп. 108, д. 132. л.7—8.

⁵³ Material de la discusión hecha en C. C. del PCM sobre el artículo titulado "Los problemas del PCM", publicado en *The Communist*, numero de mayo, y que concreta las observaciones y críticas del CC. del PCA. a las tesis del Pleno de Julio le 1929, del CC. del PCM. — Там же. Д. 128. Л.127.

⁵⁴ Informe al Jefe del Departamento Confidencial de la Secretaría de Gobernación sobre los puntos más salientes que se discutieron en la convención de la Liga Nacional Campesina. 20 de febrero de 1930. — AGN. DIPS. Vol. 30. Exp. 2. F. 2; Excélsior. Mexico. 19.II.1930.

⁵⁵ Informe político confidencial de J. Silva Herzog a la SRE, Moscú, 4 de julio de 1929. — AHSRE. Exp. 14-25-2. Sin numero de foja; Informe de J.Silva Herzog al Subsecretario de Relaciones Exteriores, Moscú, 3 de diciembre de 1929. — AHSRE. Exp. 39-8-14. S.f.

⁵⁶ Bandera Roja. Organo electoral del Bloque Obrero y Campesino Nacional. 15.IX.1929 (México).

⁵⁷ Resolución del CC del PCM sobre el Comité Continental de la LADLA tomada el 6 de noviembre de 1929. — ПГАСПИ. ф. 495. Оп. 108. д. 1402. л. 149-150.

Victor L.Jeifets (jeifets@gmail.com)

Doctor Sci. (History), professor of the Saint Petersburg State University

The “Left-Wing Turn” of the Communist Party of Mexico (1928-1929)

Abstract: The article deals with the genesis and peculiarities of the “Left-Wing Turn” made by the Mexican Communist Party in 1928-1929. The author analyzes the internal and external factors which determined the ultra-leftist attitude taken by the Mexican section of the Comintern. The research is based upon the documents of Russian, Mexican and the US archives which were unaccessible or small-known to historians. These documental basis permits to form a complex vision of the modifications of the strategy and tactics of the Mexico’s Left-Wing movement at the end of 1920-s and to reconsider some old concepts.

Key words: Mexico, Comintern, revolution, Communist Party, Left-Wing Turn